

На правах рукописи

Данелюс Денис Владимирович

**СУБЪЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СТРУКТУРНО –
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ**

Специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Ростов-на-Дону – 2018

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

**Научный
руководитель**

кандидат социологической наук, доцент
Сериков Антон Владимирович

**Официальные
оппоненты:**

Загутин Дмитрий Сергеевич,
доктор философских наук, доцент;
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический
институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации», кафедра
гуманитарных и социально-экономических
дисциплин, профессор

Печкуров Илья Васильевич,
кандидат социологических наук;
Южнороссийский филиал ФГБУН
«Федеральный научный исследовательский
социологический центр Российской академии
наук», старший научный сотрудник

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВО «Южно-Российский
государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова»**

Защита состоится 28 декабря 2018 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160, Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Р. Зорге, 21 Ж) и на сайте: <https://hub.sfedu.ru/diss/>

Автореферат разослан «__» ноября 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Войтенко
Валерия Петровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Наблюдающиеся в российском обществе кризисные процессы приводят к необходимости осмысления проблем социальной безопасности как состояния общества, гарантирующего социальную стабильность, позитивное социальное самочувствие и гармоничное удовлетворение основных интересов и потребностей различных групп населения, что становится особенно актуальным. Однако проблемы социальной безопасности часто трактуются в контексте способности общества, отвечая на внутренние и внешние вызовы, преодолеть состояние массовой фрустрации, тревог и страхов. Не отрицая полезность такого суждения, можно констатировать, что в нынешних условиях социальная безопасность понимается несколько в ином ключе, а именно как социально-правовой порядок, как институциональная система, ориентированная на устойчивое социальное развитие.

Нормативно-правовая база обеспечения социальной безопасности основывается на инструментальном измерении, так как речь идет о выработке в масштабах страны, региона, организации, семьи или отдельной личности разнообразных средств, способных предотвратить социальную опасность. Таким образом, социальная безопасность определяется как отсутствие или предотвращение социальных рисков и опасностей. В то же время подобное понимание не ориентировано на разработку институциональной системы как совокупности норм, правил структурированных организационно для развития социальной безопасности как системы формальных и неформальных норм, регулирующих интерпретацию, соглашения и ожидания институциональных субъектов, направленных на реализацию универсалистской для российского общества схемы социальной безопасности. Можно сказать, что в таком контексте институциональная

система социальной безопасности включает формально-правовые (государственные) институты и неформальные (общественные ассоциации, движения), определяющие допустимые условия конвенции по поводу основных целей и приоритетов социальной безопасности. Такая постановка проблемы имеет последствием анализ моделей поведения субъектов системы социальной безопасности, властных структур и общественных (гражданских) ассоциаций. Для преодоления ограниченного характера понимания социальной безопасности в контексте функционирования властных (формально-правовых) институтов требуется рассмотрение соотношения универсальных и партикулярных интересов в сфере социальной безопасности для снижения риска конфликтов государственных и негосударственных институтов, встроенных в различные конвенциональные схемы.

В России доминирует неозакратистская традиция, которая, говоря словами В.А. Ядова¹, подразумевает, что государство является центром общественной жизни в условиях дезинтегрированности и слабости социальной и гражданской саморегуляции и самоорганизации. Между тем, для понимания логики становления институциональной системы социальной безопасности следует акцентировать внимание не только на использовании инструментов принуждения и насилия, связанных с предотвращением внутренних и внешних угроз, но и перераспределить усилия государственных институтов на модель устойчивого и долговременного партнерства с гражданским обществом, наладив систему коммуникации с социально и экономически самостоятельными группами и слоями российского общества.

В рамках институционального генезиса социальной безопасности повышается статус контрактных механизмов, сочетающих административный ресурс и рациональные модели, выработанные негосударственными субъектами социальной безопасности. Это

---

¹ Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 16.

предполагает развитие социальных, социально-экологических, социально-реабилитационных и социально-мобилизационных институтов, регулирующих и повседневную жизнь общества, и сберегательную активность высокоресурсных социальных групп (городские высокопрофессиональные слои населения).

Из этой посылки можно сделать вывод, что субъекты институциональной системы социальной безопасности представляют значимый исследовательский интерес, так как формируя оценку деятельности государственных институтов, влияют через баланс интересов и определяют коридоры возможностей развития институциональной системы социальной безопасности.

Преодоление дисфункции институциональной системы социальной безопасности возможно на основе выработки критериев субъектности, введения показателей социальной активности в сфере социальной безопасности, подразумевающих переход от сугубо административных и финансовых критериев к качеству социальной безопасности, обеспечивающей государственно-общественное взаимодействие в приоритетной для российского общества сфере жизнедеятельности.

Социологическое исследование структурных и институциональных основ деятельности социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности российского общества предполагает анализ норм и правил, повышающих эффективность институтов социальной безопасности, статуса субъектов институциональной системы социальной безопасности, уровень институционального доверия социально активным слоям населения к системе социальной безопасности, институциональных практик (моделей поведения) субъектов институциональной безопасности.

Следует подчеркнуть, что понятие социальной безопасности является фундаментальным, включающим различные аспекты социальной жизнедеятельности, но по интегративным признакам фиксирующим стабильное, упорядоченное, прогнозируемое состояние социальных

отношений, имеющих приемлемый порог социальной стихийности и непреднамеренных последствий социальных практик для общественной жизни. Таким образом, по сравнению с понятиями национальная, духовная, экономическая, продовольственная безопасность социальная безопасность характеризуется системными параметрами социальной защищенности общества от внешних и внутренних рисков (вызовов) и формированием в результате деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности условий для повышения порогов безопасности общества, интолерантности к социальным и технологическим рискам в массовых настроениях. Социальная безопасность как аналитическая (инструментальная) конструкция описывает баланс стабилизирующих условий и возможных социальных рисков (опасностей). В этом контексте особенность институциональной системы социальной безопасности состоит в создании «богатой и разнообразной сети групп и организаций»² в целях повышения адаптивного потенциала российского общества. Это важный момент для понимания субъектного аспекта институциональной системы социальной безопасности.

Несмотря на солидный задел работ, написанных по данной проблеме, есть необходимость проанализировать субъектное измерение социальной безопасности. Нельзя игнорировать то, что в российском обществе в силу различных исторических и актуальных обстоятельств сложились разные образы социальной безопасности и критерии оценивания ее эффективности. Это обстоятельство требует осмысления социальной безопасности в рамках определения готовности общества к социальной мобилизации для выполнения задач социальной безопасности и выработку конвенционального взаимодействия, реализуемых на основе потенциала формальных и неформальных институтов социальной безопасности.

---

² Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст В. Насилие и социальные порядки М., 2011. С. 48.

В этом контексте полагается, что обращение к проблеме субъектов в рамках сложившейся институциональной системы социальной безопасности создает условия для социальной диагностики, социального планирования и перехода к режиму взаимодействия личности, общества и государства в обеспечении социальной безопасности. Субъекты институциональной системы социальной безопасности в российском обществе в рамках реализации целей, приоритетов и моделей поведения в сфере воспроизводства и функционирования социальной безопасности испытывают влияние ограничений и возможностей, определяемых сложившейся системой внутриинституционального взаимодействия и окном возможностей действий. Проблемным, требующим системного изучения является анализ возможностей развития, субъектной переконфигурации в институциональной системе социальной безопасности.

Таким образом, постановка проблемы в рамках субъектов институциональной системы социальной безопасности российского общества имеет важное теоретическое и социально-прикладное значение. В пользу этого утверждения говорит и тот факт, что в нынешних условиях, когда российское общество осознало, что предстоит длительный период кризисов и нестабильности, требуется выработка консолидированной позиции по осознанию приоритетов социальной безопасности, действия в рамках доступных возможностей и выстраивания проработанных практикой моделей социальной безопасности, отвечающей интересам основных групп и слоев российского общества и связанных с диалогом власти и общества.

Степень разработанности темы исследования. Социальная безопасность становится предметом анализа классической социологии в контексте теории аномии Э. Дюркгейма, бюрократизации и угрозы свободе

личности М. Вебера³, целостности и стабильности общественной системы Т. Парсонса. В рамках классической социологии социальная безопасность понимается с позиции структурно-функционального анализа, для которого важными показателями являются социальное равновесие, социальный прогресс, отсутствие дестабилизирующих социальных эффектов и устойчивое функционирование социальных институтов.

Постклассическая социологическая мысль, сосредотачивая внимание на осознании турбулентности развития общества, пересматривает концепцию социального прогресса как эволюции, связанной с совершенствованием социальной системы и рассматривает социальную безопасность не только в позитивном контексте, но и в качестве отсутствия социальных, техногенных, экологических рисков. Этому моменту посвящены работы П. Бурдье, Э. Гидденса, Н. Лумана, П. Штомпки⁴. Анализируя социальную безопасность в условиях социальной неопределенности как удовлетворение потребности общества в идентификации устойчивых связей безопасности личности, обращаем внимание на то, что социальная безопасность не может быть идеальным состоянием, что ориентация на социальную безопасность предполагает равномерное распределение равенства в ответственности за риски всех слоев общества, что важным потенциалом социальной безопасности обладает гражданское общество.

В российской социологической мысли проблемам национальной безопасности посвящены работы таких исследователей, как В.К. Левашов,

---

³ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1994. 399 с.; Вебер М. Избранные произведения М., 1990. 808 с.; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.

⁴ Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. 576 с.; Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 25–42; Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структурности. М., 2005. 528 с.; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.

Ж.Т. Тощенко, О.Н. Яницкий, В.Н. Иванов⁵. В целом можно констатировать, что социальная безопасность рассматривается в различных аспектах: социально-управленческом, социально-структурном и институциональном. Определение социальной безопасности как гармоничного состояния общества хотя и содержит достаточный нормативный аспект, требует уточнения, так как социальная безопасность не может быть достигнута только движением к «идеалу» – важное значение в реализации и обеспечении социальной безопасности общества имеет конвенциональное согласие по поводу того, что представляет собой социальная безопасность, каковы основные структурные, функциональные, институциональные и субъектные параметры, в какой степени субъекты институциональной системы социальной безопасности влияют на процессы социокультурной модернизации общества.

Следует подчеркнуть, что существует определенная несогласованность между социально-прикладными исследованиями, нацеленными на изучение конкретных социальных проблем, и приоритетами национальной безопасности. Из этого следует вывод, что рассмотрение проблемы социальной безопасности позволяет выявить логику соотношения различных способов и целей достижения безопасности российского общества. Институциональный аспект социальной безопасности изучается в работах Р.И. Капелюшникова, Т.И. Заславской, М.А. Шабановой⁶. Особое внимание следует обратить на исследование феномена социальной анархии В.Г. Федотовой, где подчеркивается необходимость осмысления социальной безопасности через модель хорошего общества, с доверием к социальным институтам, с

---

⁵Левашов В.Г. Социальная сущность концепции устойчивого развития // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 3–14; Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2008. 543 с.; Яницкий О.Н. Социология риска. М., 2003. 192 с.

⁶ Шабанова М.А. Институциональные изменения и свобода // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Пособие для студентов высших учебных заведений. Под ред. В.А. Ядова. М., 2002; Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М., 2002. 568 с.

принятием легальных институциональных стратегий. В этом аспекте важно подчеркнуть значение работ И.А. Дискина, В.Т. Игошина⁷, характеризующих эволюцию институциональной системы российского общества в контексте социальной субъектности.

Можно констатировать, что системные исследования социальной безопасности, ее значение для укрепления социальной стабильности и правового порядка в России включают направленность на определение социальной безопасности как ключевой проблемы российского общества, о чем говорится в работах Г.В. Осипова, М.К. Горшкова. Ю.Г. Волкова⁸.

Различные аспекты социальной безопасности исследуются в работах С. Араева, А. Безруковой, А. Жбанко, А. Сапожникова, В. Есаулова, В. Солониной, П. Жуковой, в которых акцентируется внимание на понимании социальной безопасности как основы обеспечения общественного благополучия и гармонического взаимодействия человека со средой своего обитания⁹.

С.А. Черникова, В.П. Черданцев, Р.Г. Яновский рассматривают фундаментальные проблемы социальной безопасности в контексте

---

⁷ Федотова В.Г. Хорошее общество М., 2005. 544 с.; Дискин И.А. Россия, которая возможна. М., 2011. 175 с.; Игошин И.Н. Институциональные искажения в российском обществе М., 2003. 151 с.

⁸ Осипов Г.В. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). М., 2005. 567 с.; Волков Ю.Г. Креативность: Исторический прорыв России. М., 2011. 328 с.

⁹ Араев С. Некоторые аспекты политической безопасности РФ // Власть. 2007. № 10. С. 81–83; Безрукова А. Проблемы обеспечения национальной безопасности на Юге России // Власть. 2010. № 6. С. 46–48; Жбанко А. Доверие как фактор безопасности // Власть. 2010. № 8. С. 19–21; Сапожникова А. Информационно-психологическая безопасность России: состояние и тенденции // Власть. 2008. № 2. С. 8–14; Есаулов В. Противодействие информационным угрозам как важное направление политики национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2009. № 12. С. 68–71; Жукова П. Имидж России и ее безопасность // Власть. 2010. № 2. С. 53–55; Солонина В. Региональная безопасность как система направленности и обеспечения устойчивого социального развития: дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д., 2008. 305 с.

определения ее критериев, связанных с социальной политикой государства и состоянием безопасности общества, личности и государства¹⁰.

О.И. Кашник, А.И. Брызгалина сосредотачивают внимание на определении оптимальных моделей социальной безопасности на основе выявления критериев, индикаторов и показателей социальной безопасности, рассматривая через проекцию в институциональную систему безопасности российского общества ИЧР, принятую международным сообществом¹¹.

Ю.В. Яковец, В.Г. Доброхлеб, Т.Ю. Яковец анализируют основные механизмы обеспечения и узловые направления развития социальной безопасности в российском обществе, основываясь на понимании социальной безопасности, как составной части национальной безопасности и базисных принципов социальной доктрины российского общества¹².

С.П. Самыгин, А.В. Верещагина, О.В. Степанов, И.В. Печкуров подчеркивают, что проблемы социальной безопасности фокусируются на понимании безопасности как нейтрализации диспропорций в различных сферах общественной жизни как способности общества стабильно функционировать в контексте внешних и внутренних вызовов¹³.

Однако в неполной мере выявлен субъектный потенциал институциональной системы социальной безопасности, влияние социальных и социально-профессиональных групп на институты социальной безопасности в российском обществе, что по традиции

---

¹⁰ Черникова С.А., Черданцев В.П., Вшивкова Г.А. Современные проблемы социальной безопасности // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 11-4. С. 836–838; Яновский Р.Г. *Социальная безопасность России в период стабилизации* М., 2003.

¹¹ Кашник О.И., Брызгалина А.А. Социальная безопасность: теоретические аспекты // *Образование и наука*. 2013. № 3 (102). С. 98–110.

¹² Яковец Ю.В., Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю. Социальная безопасность как основа социальной политики РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://sec.chgik.ru/sotsialnaya-bezopasnost-kak-osnova-sotsialnoy-politiki-rf-2/> (дата обращения 15.03.2018).

¹³ Самыгин С.И., Степанов О.В. Социальная безопасность в системе социально-гуманитарного знания о безопасности // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 11. С. 54–59; Самыгин С.И., Верещагина А.В., Печкуров И.В. *Социальная безопасность России в условиях информационной реальности: монография*. М., 2016. 155 с.

отождествляется с институтами политико-правового порядка. Но если говорить о необходимости понимания социальной безопасности российского общества в нынешних условиях, когда действуют кризисные явления и нарастает влияние внешних рисков, социальная безопасность не может быть только моделью государственной защиты и определяется позитивной мобилизацией российского общества в рамках достижения приемлемого уровня социальной безопасности.

В силу приведенных причин незаполненности теоретических лакун, концептуальной незавершенности проблем субъектов системы социальной безопасности и «картографии» социальной безопасности в российском социальном пространстве данное исследование имеет непосредственно научно-практический интерес.

Цель работы заключается в исследовании структурно-институциональных параметров становления и развития субъектов институциональной системы социальной безопасности российского общества.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих приоритетных задач исследования:

1. Рассмотреть теоретико-методологические подходы к исследованию структурных и институциональных параметров деятельности социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности общества.

2. Выявить институциональные установки социальных субъектов институциональной системы социальной безопасности и сформировать адекватный российским реалиям теоретико-методологический конструкт их исследования.

3. Охарактеризовать механизмы взаимодействия социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности российского общества.

4. Исследовать организационно-нормативные рамки деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности в российском обществе.

5. Определить перспективы формирования общих интересов и целей социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности российского общества.

6. Определить субъектные конфигурации институциональной системы социальной безопасности российского общества в контексте реинтеграции социального пространства.

Объект исследования – институциональная система социальной безопасности российского общества.

Предметом исследования являются структурные и институциональные параметры деятельности социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности российского общества.

Гипотеза исследования состоит в том, что в актуальной кризисной ситуации, сформировавшейся в российском обществе под влиянием внутренних и внешних вызовов, формируется запрос на эффективную институциональную систему социальной безопасности, направленную на обеспечение социального порядка. В этом смысле актуализируется проблема концептуального и социально-прикладного осмысления субъектов институциональной системы социальной безопасности и условий их деятельности в современной российской реальности. Представляется, что стратегия решения данной проблемы основывается на принятии в качестве объяснительно-аналитической схемы характера деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности в российском обществе, представленных государством и общественными ассоциациями, выражающими интересы социально-самодеятельных слоев и групп российского общества в рамках социально-профессиональных и общественно активистских моделей действия.

Предполагаем, что эффективность институциональной системы социальной безопасности находится в зависимости от коридора возможностей взаимодействия ее субъектов, что, в свою очередь, детерминируется конвенциональными организационно-нормативными рамками по типу социального контракта, установлением стабильных «правил игры» в контексте встраивания неформальных норм в формально-правовое регулирование системы социальной безопасности с целью создания совместимых систем стимулов, необходимых для обеспечения безопасного развития российского общества.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы структурно-деятельностного и неинституционального подходов. Исследовательская стратегия базируется на положениях и выводах, содержащихся в работах представителей классической социологической мысли Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Мертона. Анализ социального позиционирования субъектов институциональной системы социальной безопасности, возможностей коридоров взаимодействия субъектов в системе социальной безопасности является результатом актуализации теории стратегий П. Бурдьё, социального поля П. Штомпки. В исследовании организационно-нормативных рамок деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности используются положения неинституционального подхода, раскрывающего особенности режимов открытого и закрытого доступа. Институциональные установки субъектов социальной безопасности рассматриваются на основании диспозиционной концепции В.А. Ядова. В диссертационном исследовании находят отражение теоретические позиции В.Н. Иванова, Ж.Т. Тощенко, М.К. Горшкова, В.К. Левашова, Р.Г. Яновского, выделяющих критерии деятельности субъектов социальной безопасности в контексте государствоцентричности институциональной системы социальной безопасности, соотношения формальных и неформальных регуляторов в

сфере социальной безопасности, формирования инфраструктуры общественных субъектов социальной безопасности, культуры социальной рискогенности в российском обществе, доверия к институтам социальной безопасности.

В работе использовались процедуры социальной статистики, качественного анализа, научного обобщения и интерпретации данных смежных дисциплин.

Эмпирическая база работы представлена материалами следующих исследований:

1. «Российское общество и вызовы времени»: социологический мониторинг Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (2014-2016 гг.)¹⁴

2. «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя». Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (2018 г.)¹⁵

3. «Деятельность государственных институтов»: инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ. 2017 г.¹⁶

4. «Индекс страхов»: расчет по результатам серии инициативных всероссийских опросов ВЦИОМ. 2016-2017 гг.¹⁷

---

¹⁴ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М., 2015; Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. М., 2015; Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. М., 2016 г.; Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М., 2016 г.

¹⁵ Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2018.

¹⁶ Деятельность государственных институтов: инициативный опрос ВЦИОМ. 2017 г. Объем выборки – 3200 чел. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/ (дата обращения 10.08.2018).

¹⁷ Индекс страхов: расчет по результатам серии инициативных опросов ВЦИОМ. 2016-2017 гг. Объем выборки 1600 чел. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_strahov/ (дата обращения 9.05.2018).

5. «Динамика общественного протестного потенциала»: расчет по результатам серии инициативных всероссийских опросов ВЦИОМ. 2001-2018 гг.¹⁸

6. «Дальний Восток – зона роста»: инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ (2017 г.)¹⁹

7. «Бедность и социальное неравенство в Ростовской области»: региональный опрос Южнороссийского филиала Института социологии РАН (июнь-октябрь 2013 г.)²⁰

8. «Особенности институционального доверия населения Вологодской области»: опрос Вологодского научного центра РАН (2010 г.)²¹

9. «Ментальные программы и модальные модели социального поведения населения на Юге России»: исследование Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (2017 г.; при участии автора). Репрезентативная выборка составила 3900 чел., проживающих в Ростовской области (900 чел.), Краснодарском крае (950 чел.), Ставропольском крае (600 чел.), Республике Адыгея (400 чел.),

---

¹⁸ Динамика общественного протестного потенциала: расчет по результатам серии инициативных опросов ВЦИОМ. 2001-2018 гг. Выборка каждого опроса составила 1600 чел. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (дата обращения 01.10.2018)

¹⁹ Дальний Восток – зона роста»: инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ (2017 г.). Объем выборки – 1600 чел. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: официальный сайт. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116382> (дата обращения 12.01.2018).

²⁰ Исследование Южнороссийского филиала Института социологии РАН «Бедность и социальное неравенство в Ростовской области» (июнь-октябрь 2013 г.). Выборка составила 851 чел. // Волков Ю.Г. Барков Ф.А., Посухова О.Ю. Сериков А.В., Черноус В.В. Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области. // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4.

²¹ Особенности институционального доверия населения Вологодской области: опрос Вологодского научного центра РАН (2010 г.). Объем выборки – 1500 чел. в каждой волне опроса // Кожина Т.Л. Социально-политические настроения населения Вологодской области в конце 2000-х – начале 2010 –х гг. // Вопросы территориального развития. 2013. № 5.

Кабардино-Балкарской республике (500 чел.), Республике Крым (550 чел.)²²

В целом совокупность представленных материалов на основе их интерпретации и достижения консистентности содержит достаточно высокую степень достоверности и обобщенности, позволяющих осуществить процедуру эмпирической верификации выдвинутых автором теоретических положений и проверки гипотезы исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

– выявлен аналитический и объяснительный потенциал неинституционального, деятельностного, активистского подходов, сформировавшихся в социологической мысли в рамках изучения структурных и институциональных параметров деятельности социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности;

– определено, что структурно-деятельностный подход, ориентированный на интеграцию структурных и субъектно-деятельностных параметров исследования в совокупности с парадигмами неинституционализма и активизма, позволяет сформировать теоретико-методологический конструкт исследования, идентифицирующий институциональные установки социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности в российском обществе;

– исследованы условия и факторы, определяющие коридор возможностей взаимодействия субъектов институциональной системы социальной безопасности российского общества через его понимание как доступа социальных субъектов к организационно-нормативным ресурсам институциональной системы социальной безопасности в рамках достижения институциональных конвенций, согласования целей института

---

²² Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. ред. А.В. Лубский. М., 2017.

социальной безопасности и запросов социальных субъектов в данной сфере;

– проанализированы организационно-нормативные рамки деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности в контексте развития конвенциональных отношений, включающих формальные и неформальные регуляторы деятельности на основании внутреннего баланса интересов в российском обществе;

– охарактеризованы условия формирования общих целей и интересов в воспроизводстве и развитии институциональной системы социальной безопасности в рамках распределения «совместной ответственности» государственных, социальных институтов как структур представительства интересов социально активных групп общества в сфере социальной безопасности;

– определены перспективы субъектной конфигурации институциональной системы социальной безопасности в контексте реинтеграции социального пространства российского общества, способствующей воспроизводству и росту социальной активности регионального социума в повышении институциональной эффективности системы социальной безопасности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Аналитический и объяснительный потенциал теоретико-методологических подходов, объясняющих структурные, субъектно-деятельностные и институциональные параметры деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности общества, определяется тремя фундаментальными принципами. Во-первых, пониманием социальной безопасности как социального равновесия за исключением социальных рисков и дисфункций (структурно-функциональный подход). Во-вторых, идеей достижения баланса формальных и неформальных регуляторов, содержащих возможность создания альянсов для принятия универсалистской ценности социальной

безопасности (неинституциональный подход). В-третьих, пониманием социальной безопасности как социального пространства, в котором актуализируются позиции различных социальных сил, действующих по формуле обмена социального и экономического капитала на властный с целью монополии на сферу социальной безопасности (структурно-деятельностный).

Таким образом, в структурно-функциональном и неинституциональном подходах доминирует аналитика субъектов институциональной системы социальной безопасности, ориентированных, с одной стороны, на властный ресурс, с другой – на конкурентные отношения с властными субъектами с целью расширения влияния на развитие институциональной системы социальной безопасности. В структурно-деятельностном подходе важным допущением является анализ коридора возможностей деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности, что можно охарактеризовать как через социальное позиционирование соответствующих институтов, так и в рамках восприятия собственных возможностей влияния на данную систему.

2. Институциональная система социальной безопасности в российском обществе представляет иерархию властных и социальных институтов, ориентированных на идею порядка и стабильности. В этом контексте социальная безопасность понимается как система условий, факторов, норм, определяющих «коридор возможностей» активности социальных субъектов в достижении общих целей и интересов, связанных с формированием устойчивого и благоприятного для развития общества социального порядка. Субъекты институциональной системы социальной безопасности в соответствии с целью исследования квалифицируются как властные (обладающие должностным, властным или организационным ресурсом для функционирования институциональной системы социальной безопасности в российском обществе) и негосударственные (социально

активные группы общества, обладающие высокопрофессиональным и социальным капиталом на уровне представительства через социальные ассоциации, группы инициативы, интернет-активность). В рамках предложенной логики исследования, социальные субъекты институциональной системы социальной безопасности выделяются по критерию институциональных установок, связанных с социальным позиционированием, доступом к институциональным ресурсам, схемам восприятия и ценностям социальной безопасности как системы мотивации намерений и действий.

3. Институциональное ядро социальной безопасности российского общества связано с государственными институтами. Социальное позиционирование субъектов социальной безопасности характеризуется стремлением к соглашениям с профессиональными (государственными) субъектами социальной безопасности на уровне неформальных соглашений, создания сфер лоббирования и влияния групповых интересов. Вместе с тем социальное позиционирование субъектов институциональной системы социальной безопасности в российском обществе содержит тенденцию к взаимным обязательствам, обеспечению внутреннего баланса интересов и поддержанию институциональной системы социальной безопасности с целью повышения ее адаптивного потенциала. Институциональные механизмы взаимодействия субъектов в данной системе обеспечиваются конвенциональными отношениями, основанными на принятии в качестве институционального образца моделей влияния и участия социально активных групп в реализации коллективных действий, призванных повысить качество социальной безопасности в российском обществе.

4. Организационно-нормативные рамки деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности в российском обществе определяются формально-правовыми (административными) регуляторами в контексте воспроизводства государствоцентричной

матрицы социальной безопасности. Конфигурация институтов социальной безопасности, образующих «институциональный разум», генерирует выработку правил игры, ориентированных на контроль в сфере социальной безопасности, возможности принуждения и контроля со стороны властных субъектов институциональной системы социальной безопасности. Между тем включение неформальных институтов, связанных с деятельностью общественных субъектов, в институциональную систему социальной безопасности российского общества содержит двойственный эффект. С одной стороны, «амбивалентность» организационно-нормативной базы регулирования деятельности общественных субъектов способствует созданию «частных» порядков социальной безопасности, направленных на использование формальных институтов в групповых интересах, с другой – актуальным является достижение состояния взаимодействия неформальных и формальных институтов при сохранении организационной автономности.

5. Формирование общих целей и интересов социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности российского общества выявляет запрос на принятие социально фиксированных установок на уровне общественных субъектов. Данные установки формируются под фоновым воздействием формально-правовых регуляторов и неформальных конвенций, выражающих интересы общественных субъектов. В формировании этих установок важную роль играет принятие социальной безопасности как «полуядерной» ценности и переключение общих интересов социальных субъектов на рост авторитета и влияния в функционировании институциональной системы социальной безопасности. Монополия профессиональных (властных) субъектов в институциональной системе социальной безопасности, отнесение социальной безопасности к этакстическим ценностям ограничивает возможности саморегуляции социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности. Таким образом, актуальным является

принятие конвенции властных и социальных субъектов институциональной системы социальной безопасности российского общества, базирующейся на ценностях стабильности, порядка и справедливости.

6. Актуальной в развитии институциональной системы социальной безопасности в российском обществе является реинтеграция социального пространства, включающая в качестве цели ликвидацию «разрывов» в показателях социальной безопасности российских регионов. Приоритетное значение приобретает оценка перспектив субъектной конфигурации в системе внутрорегиональных связей и в отношениях с Центром. В рамках реализации цели исследования выявлено, что в общероссийском региональном пространстве институциональная система социальной безопасности испытывает негативное влияние региональных неравенств, приводящих к разрывам по показателям социального самочувствия на региональном уровне и ослаблению процессов интеграции как следствию неэффективности политики регионального выравнивания. В этих условиях субъектные конфигурации в региональном пространстве определяются вовлеченностью регионального социума в систему эффективных инноваций в экономике, управлении, социальной сфере и основываются на активистском и интеллектуальном потенциале регионального социума. Можно говорить о том, что перспективы расширения коридора возможностей социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности связаны как с включением в субъектные конфигурации новых социальных акторов (молодежных, экологических, волонтерских движений), так и с возникновением площадок роста социальной безопасности в контексте выстраивания «мягкой» институциональной среды, ориентированной на потенциал социальной активности субъектов регионального социума.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в углублении понимания развития институциональной системы

социальной безопасности в российском обществе в концептуальном и социально-прикладном измерениях. Это выражается в том, что, во-первых, на основе обобщений и результатов диссертационной работы может быть сформированы эффективные схемы партнерства и соучастия в разработке и реализации приоритетов социальной безопасности путем усиления представительства интересов социально активных слоев населения через взаимодействие государственных и социальных институтов. Во-вторых, актуальным представляется принятие практических рекомендаций, ориентированных на нормативное закрепление компетентности социальных субъектов в системе социальной безопасности российского общества. В-третьих, целесообразным является включение критериев социальной субъектности в институциональной системе социальной безопасности в рефлексивный мониторинг динамики настроений в российском обществе.

Основные теоретические положения и выводы данного исследования могут быть использованы в учебных курсах по таким направлениям, как «Социология», «Социальный менеджмент», «Регионоведение», «Работа с молодежью».

Апробация работы: Полученные в ходе исследования результаты были апробированы в рамках участия в работе научно-практических конференций всероссийского и международного уровней, в том числе на Всероссийской научно-практической конференции «Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности» (г. Майкоп, апрель 2014 г.), Всероссийской конференции «Путь в науку» (г. Ростов-на-Дону, 2014–2017 гг.), Всероссийской научно-практической конференции «Этносоциальные процессы и риски на юге России» (г. Майкоп, 2015 г.), Международной научной конференции «Научное обеспечение регионального развития» (г. Ростов-на-Дону, 2015 г.), Научном форуме «Мир Кавказу» (г. Ростов-на-Дону, 2015–2017 гг.).

Автор исследования принимал участие в реализации научно-исследовательских проектов: внутреннего гранта Южного федерального университета «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи» и гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Социальные и гуманитарные технологии профилактики и противодействия агрессии, экстремизму и терроризму на Юге России в контексте геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе» (2016–2018 гг.)

По теме диссертации опубликованы 12 научных работ общим объемом 5,3 п.л., в том числе 9 статей, опубликованных в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки РФ.

Структура работы: поставленные цели и задачи исследования определили структуру работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяется степень разработанности темы в научной социологической литературе, формулируется цель и задачи исследования, представлены элементы научной новизны и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования.

Глава 1. «Теоретико-методологические основания исследования субъектов институциональной системы социальной безопасности» содержит анализ базовых теорий и концепций, позволяющих сформулировать теоретические понятия и принципы позиционирования социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности российского общества.

В §1.1 «Социальные субъекты институциональной системы социальной безопасности как предмет исследования социологической мысли» анализируются основные социологические концепции, связанные с различными аспектами проблемы исследования. Так, подчеркивается, что в работах Э. Дюркгейма особое внимание обращается на три существенных аспекта. Во-первых, отношения индивидов в обществе рассматриваются как отношения ассоциаций, а социальная безопасность понимается как условия и факторы, способствующие ориентации на ассоциируемое взаимодействие. Во-вторых, немаловажным аспектом дюркгеймовской трактовки социальной безопасности является принцип разделения труда, согласно которому в сфере социальной безопасности доминирует позиция социального реформирования, разделяемого ответственными социальными группами. В-третьих, субъекты институциональной системы социальной безопасности, по Дюркгейму, обладают признаками, выделяемыми по структурным и функциональным параметрам.

Констатируется, что неоинституционализм (школа Д. Норта) выводит в качестве критериев деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности следующие пороговые условия: верховенство права для элит, постоянно существующие формы общественных и частных организаций, включая само государство, консолидированный политический контроль над вооруженными силами²³. Отмечая, что для субъектности социальной безопасности важное значение имеет система убеждений «как работает окружающий мир», неоинституционализм рассматривает систему институтов, работающих в рамках равенства доступа к институциональным ресурсам и конкуренции частных интересов. Статус субъекта институциональной системы социальной безопасности определяется, таким образом, включением

---

²³ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгафт В. Насилие и социальные порядки М., 2011. С. 76.

критерия отношения к безопасности как возможности добиться власти, привилегий, прав и обязанностей.

Структурно-деятельностный подход, реализуемый в работа П. Бурдьё, провозглашает своей целью преодоление дилеммы субъекта и объекта. В рамках заявленной цели исследования важно определить преодоление классических позиций социальных наук как отказ от объективизма, от принятия коллективности в качестве формы взаимозависимости и рамок свободы социального субъекта²⁴. Согласно позиции П. Бурдьё, социальная безопасность как поле характеризуется специфическими механизмами капитализации свойственных ей легитимных средств.

Таким образом, обосновываются следующие выводы: во-первых, описанные теоретико-методологические подходы к проблеме субъектов институциональной системы социальной безопасности различаются по концепту (общество как целостный организм, социальное равновесие, общество как социальное пространство, общество риска, общество социальной неопределенности). Во-вторых, исходя из сходных принципов формируется понятие социальной безопасности, которое связано с социальной стабильностью, социальным порядком или нейтрализацией социальных рисков. В-третьих, выдвигаются критерии деятельности субъектов, связанных с позиционированием субъектов в сфере социальной безопасности, доступом к ресурсам социальной безопасности, возможностями влияния на участие в разработке системы социальной безопасности и поддержании ценностей культуры безопасности или предотвращении рисков. В-четвертых, наиболее действенным аналитическим и объяснительным потенциалом обладает структурно-деятельностный подход, который обозначает в качестве критериев социальное позиционирование, воспроизводство социальных диспозиций и

---

²⁴ Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой; науч. ред. Н.А. Шматко. М., 2002. С. 17.

установок по отношению к социальной безопасности и осознание социальной безопасности в рамках готовности к совместным практикам ради ее воспроизводства.

§1.2 «Установки субъектов институциональной системы социальной безопасности российского общества: концептуальные основания исследования» содержит исследование установок социальных субъектов в институциональной системе российского общества в контексте формирования эффективного теоретико-методологического инструментария исследования.

Отмечается, что ключевой характеристикой состояния социальной безопасности в российском обществе является сдвиг к сужению институциональной системы, доминированию институционального доверия к институтам порядка (армия, полиция). Показано, что в российском обществе социальная безопасность до сих пор понимается как политика, осуществляемая в контексте управляемого или законного принуждения.

Развивая эту мысль, можно сказать, что выявление деятельностно-ценностных мотиваций субъектов социальной безопасности определяется нахождением дифференциалов между потребительскими, профессиональными, личностными установками и социальной безопасностью как универсальной ценностью, позволяющей согласовать частные партикуляристские интересы. В этом смысле интересно то, что в нынешних кризисных условиях актуальным является не введение «аскезы» потребления, а стимулирование различных социальных групп отказаться от демонстративного потребления и отдать приоритет социально-инвестиционным стратегиям, связанным с укреплением здоровья, ростом образовательного и профессионального потенциала, расширением горизонтов. Это отвечает как приоритетам социокультурной модернизации общества, так и возможности если не достичь лидерства в

глобализируемом мире, то иметь устойчивый ресурс прочности в ситуации возникновения новых глобальных и внутренних вызовов.

В рамках исследования установок субъектов институциональной системы социальной безопасности российского общества можно говорить о том, что наиболее адекватным является их исследование в рамках структурно-деятельностного подхода, предполагающего многокритериальную систему, что связано с анализом институциональных механизмов взаимодействия, формальных и неформальных регуляторов в рамках организации и самоорганизации социальных субъектов, субъектных конфигураций в реинтеграции общероссийского социального пространства.

Глава 2. «Институциональная система социальной безопасности российского общества как коридор возможностей деятельности социальных субъектов» направлена на исследование объективных условий социальных действий властных социальных институтов в контексте запроса российского общества на обеспечение социальной безопасности.

§2.1 «Институциональные механизмы взаимодействия социальных субъектов в системе социальной безопасности российского общества» содержит анализ коридора возможностей действия социальных субъектов в институциональной сфере социальной безопасности российского общества. В российском обществе на коридор возможностей взаимодействия социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности влияет избыточное социальное неравенство, когда важное значение обретает социально-территориальный (региональный) фактор. Другими словами, социальные и территориальные диспропорции формируют неоднозначную дисперсную картину доступа к институциональной системе социальной безопасности в российском обществе.

По результатам мониторинга «Российское общество и вызовы времени», проводимого Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН²⁵, можно сделать вывод, что коридор возможностей взаимодействия субъектов институциональной системы социальной безопасности зависит от социально-статусных позиций субъектов и в наибольшем аспекте это проявляется в ощущении чувства социальной защищенности. До сих пор не преодолена тенденция 90-х годов, связанная с утратой чувства социальной безопасности, что подтверждается данными ежегодных замеров ВЦИОМа²⁶. Существующая нормативная модель успеха в российском обществе отражает дисфункциональность в институциональной системе социальной безопасности, так как не рассчитана на среднесрочный и долгосрочный период, на модели инвестиционного поведения и сосредоточена на адаптивно-реактивных позициях актуализма в конкретной ситуации.

Чтобы социальная безопасность воспринималась как коридор возможностей взаимодействия, требуется ее включение как инструментальной цели, способствующей самооценке и самоощущению индивида. Результаты эмпирических исследований показывают, что Российское общество не находится в стадии тотального выживания, но избыточные социальные неравенства определяют различия в возможностях взаимодействия в институциональной системе социальной безопасности²⁷.

В качестве вывода можно подчеркнуть, что в российском обществе проблемы социальной безопасности выявляют тренд к более активному

---

²⁵ Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. М., 2015. 432 с.; Российское общество и вызовы времени. Книга третья / отв. ред. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2016. 424 с.

²⁶ «Индекс страхов: расчет по результатам серии инициативных опросов ВЦИОМ. 2016-2017 гг. Объем выборки 1600 чел.». // ВЦИОМ: официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_straxov/ (дата обращения 9.05.2018).

²⁷ Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М., 2016. 400 с.

влиянию высокопрофессиональных социальных слоев на институциональную систему социальной безопасности, связанную с защитой от системных рисков (падение уровня жизни, рост социальной агрессивности, безработица, утрата жизненных перспектив). В социальных позициях не просматривается связь между личным благополучием и разрушительным воздействием социальной маргинализации и деструкции. Также можно отметить, что коридор возможностей взаимодействия смещается от клиентелистской позиции к выработке ситуации опосредованного воздействия, связанного с принятием ожиданий общественных акторов со стороны профессиональных акторов на условиях демонстрации лояльной активности.

В §2.2 Организационно-нормативные рамки деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности в российском обществе обоснована классификация регуляторов деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности и охарактеризовано становление нормативной конвенции, интегрирующей формальные и неформальные регуляторы деятельности субъектов в сфере социальной безопасности.

Отмечается, что социальное позиционирование социальных групп и слоев в российском обществе характеризуется ориентированностью на обеспечение социальной безопасности как системы социальной защищенности и стабильности. Вместе с тем в рамках исследования выявилось, что социальные субъекты институциональной системы социальной безопасности в российском обществе сосредоточены в узкопрофессиональной сфере, что различия относительно проблемного поля социальной безопасности связаны с групповыми интересами в основном неформальными регуляторами. Это обстоятельство приводит к тому, что организационно-нормативные рамки поведенческих стратегий анализируемых групп и слоев в контексте функционирования институциональной системы социальной безопасности могут

рассматриваться гомогенно, что социальное позиционирование обнаруживает различия в понимании приоритетов и способов реализации институциональной безопасности.

В этом смысле нормативная конвенция, несмотря на то, что занимает узкий сегмент организационно-нормативных рамок институциональной системы социальной безопасности российского общества, является наиболее конструктивной, связанной с формированием диалога между обществом и властью в сфере социальной безопасности, ростом гражданской активности населения и реализацией формулы взаимных обязательств между обществом и властью. Необходимо также отметить, и это подтверждается результатами всероссийских и региональных исследований, что не умаляется роль государства в организации и поддержании социальной безопасности. Но если властные институты являются основным субъектом социальной безопасности, то предъявляются требования к выстраиванию отношений партнерства, к учету позиций различных социальных групп в выборе приоритетов социальной безопасности²⁸.

Делаются следующие выводы. Во-первых, коридор возможностей взаимодействия профессиональных и общественных субъектов институциональной системы социальной безопасности связан с имущественным и социально-профессиональным статусом, что локализует ориентацию на социальную безопасность как легитимацию и самолегитимацию по отношению к власти и другим социальным группам.

---

²⁸ «Деятельность государственных институтов: инициативный опрос ВЦИОМ. 2017 г. Объем выборки – 3200 чел.» // ВЦИОМ: официальный сайт. [Электронный ресурс] URL:

https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov/;
Особенности институционального доверия населения Вологодской области: опрос Вологодского научного центра РАН (2010 г.). Объем выборки – 1500 чел. в каждой волне опроса // Кожина Т.П. Социально-политические настроения населения Вологодской области в конце 2000-х – начале 2010 –х гг. // Вопросы территориального развития. 2013. № 5; Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д., 2016. 392 с.

Во-вторых, организационно-нормативные рамки деятельности субъектов институциональной системы социальной безопасности в российском обществе являются следствием социального позиционирования и включают стремление к доступу к институциональным ресурсам социальной безопасности на уровне властных структур и, в меньшей степени, – гражданского общества. Наиболее перспективной является нормативная конвенция, интегрирующая формальные регуляторы власти и неформальные регуляторы социальной активности.

Глава 3. «Перспективы участия социальных субъектов в развитии институциональной системы социальной безопасности в российском обществе» содержит анализ перспектив развития институциональной системы социальной безопасности российского общества на основе формирования общих целей и интересов субъектов системы социальной безопасности и перспектив субъектной конфигурации в контексте реинтеграции социального пространства в региональном измерении.

§3.1 «Формирование общих целей и интересов социальных субъектов в институциональной системе социальной безопасности российского общества» имеет целью анализ условий и правил достижения консенсуса социальных субъектов в рамках развития институциональной системы социальной безопасности.

Согласно позиции автора диссертации, российское общество отошло от формулы бессубъектности, от того, чтобы понимать проблемы социальной безопасности исключительно как монополию политических элит. Но социальная безопасность в российском обществе в 90-е годы была связана с отсутствием консенсуса в элитарных кругах общества, единства по стратегическим вопросам²⁹. В настоящий период достигнут определенных консенсус внутри элит и, главное, с обществом по основным

---

²⁹ Бурьянов О.В. Социальная безопасность российского общества. Ростов-н/Д., 1999. С. 90.

проблемам внешней безопасности, но, как отмечалось ранее, социальная безопасность охватывает более широкий спектр проблем, связанных с социальной стабильностью в обществе, легитимацией властных структур и преодолением утилитарного отношения к социальной безопасности.

В целом можно утверждать, что выявляется парадокс: действие стандартных институциональных установок не определяет самоорганизацию и взаимодействие на межличностном уровне. Также важно, что консерватизм ценностных установок ограничивает активность в институциональной системе социальной безопасности путем возложения миссии ответственности за социальную безопасность на профессиональных акторов системы социальной безопасности. Рассматривая институциональные установки общественных акторов социальной безопасности, целесообразно сформировать определенную классификацию на основе выявления ценностей, способствующих повышению социальной субъектности, ставящих социальную субъектность в подчиненность иным ценностям, а также осуществляющих бесценностный дрейф в отношении социальной субъектности в сфере социальной безопасности. Имеется в виду, что сложившаяся иерархия ценностей в российском обществе не является схемой воспроизводства раскола на либералов и консерваторов, но обнаруживает отсутствие ядерных ценностей, способных консолидировать общество и сделать поведенческие модели сбалансированными в отношении восприятия окружающей действительности и согласования социальных интересов в сфере социальной безопасности.

Социальная безопасность не является высшей институциональной установкой в отношении социальных субъектов, поскольку в подчиненной степени связана с такими понятиями, как социальная справедливость, законность, порядок, равенство. Между тем, судя по динамике настроений россиян, выявленной в ходе исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и Всероссийского

центра общественного мнения, российское общество нуждается в интерпретации социальной безопасности как интегрирующей, базовой ценности, позволяющей нарастить социальную субъектность как осознание и деятельность ответственных индивидов и групп.

Автор диссертации внимателен к тому, что важным фактором обращения общества к социальной безопасности является уровень субъектности профессиональных акторов социальной безопасности, что в российском обществе существует высокий уровень поддержки власти³⁰. Такая позиция связана не столько с идеализацией власти, а с тем, что при всех ошибках власть обладает достаточными ресурсами, опытом и авторитетом, чтобы институты социальной безопасности функционировали. Поэтому, когда речь заходит о потенциале саморегуляции, о ценностях свободы, автономности, саморазвитии, необходимо учитывать, что само понимание автономности личности распространяется только на частную сферу, а в публичной сфере проявляется неэтакратистский комплекс. В таком контексте утверждение и легитимация субъекта в институциональной системе социальной безопасности зависит от сближения индивидуальных и коллективистских ценностей путем формирования отношения к социальной безопасности как универсальной инструментальной ценности, имеющей интегративный потенциал.

Делается вывод, что россияне испытывают достаточно высокий уровень толерантности к социальным рискам. В перспективе, оценивая формирование новых субъектных конфигураций в институциональной системе социальной безопасности, необходимо определять социальную безопасность как универсальную ценность, имеющую коммуникативный смысл в сближении личностных и коллективистских ценностей.

---

³⁰ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2015. С. 122.

§ 3.2 «Субъектная конфигурация институциональной системы социальной безопасности в контексте реинтеграции социального пространства российского общества» включает анализ субъектной конфигурации, взаимодействия профессиональных и общественных акторов в контексте сложившихся внутрорегиональных, межрегиональных и вертикально интегрированных отношений с федеральным центром в целях стабильности институциональной системы социальной безопасности как фактора реинтеграции социального пространства российского общества. Автор диссертации отстаивает точку зрения, что институциональная система социальной безопасности в российском обществе связана с социально-структурными, социально-территориальными отношениями. В исследовании проблем социальной безопасности преимущественно выделяется территориальный аспект, связанный с развитием социальной, логистической инфраструктуры, но при этом не уделяется внимание настроениям регионального социума. Рост субъектов в институциональной системе социальной безопасности сосредоточен в мегаполисах, а «Россия регионов», как показывают результаты эмпирических исследований, демонстрирует либо неэтактистский комплекс, либо дистанцирование от проблем социальной безопасности³¹³².

Социально-территориальные диспропорции значимым образом влияют на систему социальной безопасности, поскольку такие факторы, как неравенство в доходах, качестве жизни, миграционные проблемы, также как и непосредственное или опосредованное влияние внешних угроз, оказывают воздействие на формирование образа социальной безопасности, на то, каким образом должны решаться эти проблемы в региональном контексте. Российские регионы ощущают на себе

---

³¹ Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2018. 312 с.

³² Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д., 2016. 392 с.

двойственный эффект: с одной стороны, влияние фактора необходимости поддержки «общероссийского единства», с другой – существование внутрирегиональных и межрегиональных диспропорций, определяющихся схемой «депрессивные регионы», «самодостаточные регионы», «регионы - доноры».

Очевидно, что в региональных рамках политика социальной безопасности является эффективной, если предлагаются различные «пилотные» проекты, связанные как с раскрытием лидерского потенциала социально активных групп регионального социума, так и с ликвидацией «узких мест» в региональной системе социальной безопасности. Активные слои регионального социума в целом настроены на позицию участия, когда речь заходит о защите своих интересов и прав, но следует отметить, что проявляется тенденция недоверия к институциональной системе и неудовлетворенность эффективностью работы государственных институтов по обеспечению социальной безопасности.

Исходя из результатов социологического исследования «Ментальные программы и модальные модели социального поведения населения на Юге России» констатируется, что относительное большинство респондентов поддерживают оценку нормальности ситуации, преломляя ее через повседневность, но рост кризисных настроений (по результатам регионального исследования 23,6% считают текущую ситуацию катастрофичной)³³ заставляет задуматься о том, что состояние институциональной системы социальной безопасности становится объектом интереса, так как для респондентов неустойчивость, напряженность, кризисность хотя и характеризуют отдаленность от «катастрофизма», но накапливают массу критичности, которая может результироваться или в «глухой» протест, или инициировать потребность взаимодействия с властными субъектами институциональной системы

---

³³ Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д., 2016. 392 с.

безопасности на уровне инициатив или проектов заинтересованных групп регионального социума.

Автор диссертации полагает, что субъектные конфигурации институциональной системы социальной безопасности связаны с такими перспективными направлениями, как экологическая, общественная, информационная безопасность. Отмечается, что, даже учитывая реальную готовность к совместной деятельности в организации системы социальной безопасности, она все же несколько ниже показателя готовности к социальной полезности, актуальному созданию адекватных структур организации и самоорганизации регионального социума, позволяющего удовлетворять потребность в социальном альтруизме во взаимодействии как со структурами правопорядка, так и со структурами социального обеспечения и защиты населения.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы, указываются проблемы, требующие дальнейшего углубленного социологического изучения.

**Основные положения работы нашли отражение
в следующих публикациях:**

***Научные статьи, опубликованные в изданиях перечня ВАК
при Министерстве образования и науки РФ:***

1. *Данелюс Д.В.* Социальные субъекты в системе социальной безопасности: институциональные практики консолидации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 169-176. 0,5 п.л.
2. *Данелюс Д.В.* Социальные субъекты в институциональной системе социальной безопасности российского общества: институциональные практики // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 292-300. 0,5 п.л.

3. *Данелюс Д.В.* Субъекты социальной безопасности в институциональной системе российского общества: теоретико-методологический аспект исследования // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. С. 211-220. 0,5 п.л.

4. *Данелюс Д.В., Шаповалова А.М.* Региональный социум: потенциал социальной субъектности в системе социальной безопасности российского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 2. С. 164-169. 0,5 п.л.

5. *Данелюс Д.В., Шаповалова А.М.* «Мягкая сила» как технология обеспечения национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 12-2. С. 182-190. 0,5 п.л.

6. *Данелюс Д.В., Шаповалова А.М.* Обеспечение общественной безопасности на уровне местного самоуправления // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 18. № 2. С. 273-282. 0,5 п.л.

7. *Данелюс Д.В., Шаповалова А.М., Губарев И.В.* Обеспечение социальной безопасности в процессе становления гражданского общества на местном уровне // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19. №3. С. 72-81. 0,5 п.л.

8. *Данелюс Д.В., Асланов Я.А.* Государственная политика России в сфере патриотического воспитания: анализ эффективности в контексте национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2015. №11. С. 264-271. 0,5 п.л.

9. *Данелюс Д.В., Абраменко А.В.* Асимметричная политическая коммуникация в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 248-254. 0,5 п.л.

Другие издания:

10. *Данелюс Д.В.* Институциональная система социальной безопасности российского общества: общие цели и интересы

социальных субъектов // Историческая память и исторические мифы в контексте геополитической конкуренции на Юге России. Материалы научной конференции. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования. 2018. 0,2 п.л.

11. *Данелюс Д.В., Серикова И.Б.* Конфликтогенный потенциал межконфессиональных и межэтнических процессов в поликультурном регионе // Технологии мира на Юге России и Кавказе. Материалы международной конференции. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования. 2016. 0,2 п.л.

12. *Асланов Я.А., Данелюс Д.В.* Роль патриотического воспитания в укреплении национальной безопасности // Экономические, правовые, социально-политические и психологические проблемы развития современного общества. Научное издание / Отв. ред. Н.Г. Казимировой. Филиал ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» в г. Ростове-на-Дону: Издательство «Фонд науки и образования», 2015.0,4 п.л.